

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Одной из актуальных задач вузовского преподавания, особенно в сфере гуманитарных наук, становится установление межпредметных и междисциплинарных связей. Они объединяют такие курсы, как история, литература, психология, лингвистика, культурология. Однако в реальной вузовской практике эти связи просматриваются явно недостаточно. Соответствующие кафедры нередко действуют разобщенно (если речь не касается “дележа” нагрузки). Между тем история и литература органически связаны, хотя отнюдь не прямолинейно, а сложным образом. Но если в общеобразовательной школе акцент делался на изучении отдельных произведений и биографии писателей, то в вузе оно поднято на более высокий уровень, речь идет об истории литературы, о художественном процессе в его движении, об эволюции жанров, тематики, проблематики.

Нельзя сказать, что процессы взаимосвязей гуманитарных предметов игнорируются академической наукой. Возьмем хотя бы 4-томную “Историю США”, подготовленную ИВИ РАН, в которую включены главы о культуре, литературе, театре, русско-американских литературных связях.

Думается, что реализация подобных связей в вузовском учебном процессе связана с рядом трудностей, с которыми сталкивается современная высшая школа. Одна из главных трудностей определяется демографической “ямой”, которую испытали на себе вузы (исключая, конечно, самые элитные и популярные). Падение рождаемости в начале “лихих 90-х” привело к тому, что в последние годы число выпускников школ сократилось. Снизилось количество абитуриентов, уменьшился конкурс в вузы, а также сократилось число бюджетных мест при падении планов набора. Неоднозначные результаты внедрения ЕГЭ, а также коррупционные явления в обществе, захватившие сферу как среднего, так и высшего образования, – все это привело к снижению уровня абитуриентов, а следовательно, и студентов, по ряду специальностей.

Переход на двухуровневую систему высшего образования (бакалавриат и магистратура), когда основная масса студентов обучается не пять, а четыре года имеет своим результатом снижения “вала” часов по лекциям и практикумам, а это влияет и на штатное расписание, и на финансирование вузов. Добавим к этому и увеличение нагрузки преподавателей, среди которых было немало тех, кто “подрабатывал” в других вузах, имел по три-четыре совместительства. При такой беготне из одного вуза в другой трудно серьезно заниматься наукой.

Трудности, испытываемые вузами, приводят к слиянию кафедр, иногда факультетов, что происходит под флагом “оптимизации” образовательного процесса, хотя на самом деле это имеет целью смягчить финансовую ситуацию в вузах. В конце концов, как бы ни были значимы инновации, свежие формы методик, все упирается в цифровые показатели и недофинансирование вузов. В итоге, будем откровенны, многое в деятельности вузов диктуется поисками способов выживания, неприятных процедур “сокращения” преподавателей. Внешне логичной, но по существу странной становится практика коммерциализации образования, превращения его в “услугу”, когда деятельность преподавателя, в сущности, приравнивается к практике обычного бизнесмена. Но ведь преподаватель, по идее, не просто обучает – он еще и воспитывает.

К негативным явлениям относится и нарастающая бюрократизация вузовской работы, внедрение оценки знаний по системе баллов, рост числа разного рода справок, планов, сводок, отчетов, протоколов, ценность которых для существа дела весьма сомнительна. Ведь, в конце концов, многое определяется личностью вузовского преподавателя как творческой индивидуальности, его знаниями, мастерством, любовью к предмету и уважением к студенческой аудитории. Стоит поговорить со студентами – они дадут оценку каждому из нас. Это надежнее, чем практика анкетирования руководящих должностей в институтах, что, отнюдь не стимулирует режим экономии средств.

Существующая ситуация такова, что отчисление нерадивых студентов влечет за собой автоматическое сокращение нагрузки, а следовательно и увольнение преподавателей. Нетрудно догадаться, каким способом сохраняется студенческий контингент.

Нельзя не сказать и о том, что реальная оплата труда вузовских работников резко упала по сравнению с другими специалистами. В 1980-е годы зарплата заведующего кафедрой, доктора наук, профессора была равна зарплате министра союзной республики; на гонорар от книги можно было купить автомашину. Сегодня профессор провинциального вуза зарабатывает чуть больше столичного дворника. На этом фоне ВАК ужесточает требования к соискателям ученых степеней и научных званий.

Произошло смещение жизненных ценностей и приоритетов. Принцип “учитесь работать” был переименован: “учитесь зарабатывать”. Решительное предпочтение материальных благ, “вещизма”, пренебрежение ценностям духовного характера – все это нанесло серьезный ущерб гуманитарной науке, культуре в целом. Упал престиж науки, ученых, вузовских преподавателей. Помнятся годы учебы в МГУ, да и в последующие десятилетия, когда не коммерческая сфера, а деятельность в научной области, карьера в творческой, исследовательской области была главной целью способной молодежи. Они защищали диссертации и становились достойными учеными.

Тяжелой оказалась и ситуация с издательской деятельностью, с публикацией монографий и учебников. Их возможно опубликовать либо с помощью фондов (что весьма сложно), либо за счет авторов. В труднейшем положении оказались немногочисленные издательства (“Просвещение”, “Академия”, “Высшая школа”), в которых либо ликвидировались редакции учебников, либо выпуск учебной литературы заморожен. Причина подобной ситуации в том, что издание подобной литературы – малоприбыльное дело (в отличие от печатания массового малохудожественного ширпотреба). Правда, теперь некоторые учебники переводятся в электронный формат для распространения в библиотеках и вузах. Но это касается уже изданных книг. А как быть с новыми учебниками? На них не выделяется средств. Конечно, чтение книг по Интернету имеет свои преимущества. И все же, наверно, бумажная книга не может быть заменена электронной. А будущему учителю литературы и истории было бы полезно формировать библиотечку необходимых для его специальности книг. Компьютеризация имеет свои преимущества, но она не может заменить книгу, которая обладает вещественной ценностью и будет сопровождать ее любителя в самых разных жизненных обстоятельствах.

Катастрофически упали тиражи академических журналов. “Толстые” литературные журналы, печатавшие не только беллетристику, но и серьезные работы научно-публицистического характера, когда-то бывшие духовной пищей интеллигенции (вспомним “Новый мир” эпохи А.Т. Твардовского) не только оказались недостаточно востребованными, но и исчезли из продажи в газетных киосках, в которых воцарились издания, пропагандирующие “сладкую жизнь”.

Нетрудно представить, какой вред нравственному здоровью общества приносит “гламуризация” вкусов и нравов, укоренение имиджа “попсового” образа жизни, насаждение “кумиров” и сомнительных героев, короче говоря, того, что покойный замечательный музыкант Н.А. Петров назвал словом “чертобесие”. Кому как не гуманитарной интеллигенции, вузовским работникам следует хоть в какой-то мере в своей воспитательной деятельности противостоять этой пошлости, утверждая истинные ценности. Среди них достойное место должны занять литераторы и историки.

Недавно энергичное вмешательство общественности, кажется, предупредило “исничтожение” литературной классики в школьных программах. Стоит ли говорить, что наша классика – одно из самых бесспорных, признанных всем миром вкладов, внесенных Россией в общечеловеческую сокровищницу.

Утверждая необходимость единства литературного и исторического знания, необходимо учитывать ряд существенных обстоятельств. В постсоветское время в методологии литературоведения, как и других гуманитарных дисциплин, произошли благотворные перемены. Была преодолена догматика, единомыслие, подчинение исследований политической конъюнктуре, идеологический заказ, государственный атеизм, и многое другое. Восторжествовал широкий объективный взгляд на литературный процесс. Но наряду с “освобождением” от марксизма, нередко упрощенно понимаемого, наряду со вниманием к прежде негативно оцениваемым “буржуазным” философским течениям, к нравственным религиозным аспектам литературы, дала себя знать другая крайность как реакция на прежние ошибки. Эта недооценка социальных факторов, а нередко забвение принципов историзма. Художественный текст начинает рассматриваться вне исторических факторов, как некая самоценная структура. Из диссертаций и монографий исчезли ссылки на труды историков. Характеристики эпох и событий, скупые и приблизительные, нередко несут следы ненаучной моды. В некоторых учебниках по литературе французская революция представляется, прежде всего, как разгул якобинской гильотины; Парижская Коммуна, значение которой преувеличивалось, теперь почти замалчивается, а поэт Э. Потье, автор “Интернационала”, даже не упоминается. Русские писатели революционно-демократической ориентации, такие как В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, даже Н.А. Некрасов, когда-то интенсивно изучаемые, отодвинуты на второй план. 200-летний юбилей Белинского (2011 г.) прошел почти незаметно.

Такого рода “перекосы” в осмыслении историко-литературного процесса встречаются в изобилии. Освещение исторических событий в СМИ, на ТВ отдано на откуп непрофессионалам, а журналистские интерпретации, ориентированные на массовую аудиторию, нередко страдают и упрощениями и неточностями. Участие же в этой работе профессиональных историков явно недостаточно. До сих пор не встретилось упоминаний о том, что в 2017 г. грядет столетия Октября. И это при том, что к чемпионату мира 2018 г. идет уже интенсивная подготовка. И все же, надо думать, что величайшие события в судьбе России, его осмысление с современных позиций, современного опыта даст больше для формирования национальной памяти, самосознания общества, наверно, в не меньшей степени, чем просмотр спортивных матчей и получение прибыли от туристов.

Эти соображения хотелось бы иметь в виду в свете проблемы интеграции литературного материала в исторические курсы. При этом нельзя игнорировать самую специфику литературы, отводя ей лишь роль “иллюстратора” исторического процесса в наглядно-образной форме. Словесность обращена к внутреннему миру человека, к его психологии и проблемам; ее сопряженность, особенно в лирических, философских жанрах, носит достаточно сложный характер.

Уже при зарождении исторического знания историческая проза была одним из разновидностей художественной словесности. Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Ливий, Тацит и другие были не только учеными со своей методологией, но и мастерами слова. Поэтому их творчество включается как в исторические, так и литературоведческие курсы, их труды обладают исторической и эстетической ценностью. Блистательные “Жизнеописания” Плутарха стали школой приобщения к истории многих поколений; их автор излагал события ярко, красочно, афористично, а его герои представляли во всей психологической подлинности и сложности. Великие историки, такие как Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, Т. Моммзен (лауреат Нобелевской премии по литературе 1902 г.) были в равной степени и учеными, и писателями. Их деятельность содержит важный урок: научное гуманитарное знание выигрывает, получив художественное воплощение,

исторические сюжеты могут быть выражены в яркой, доходчивой, стилиевой манере. Унылый, безликий язык, “канцелярит”, как его называл К.И. Чуковский, особенно вреден в педагогической деятельности.

Важно акцентировать роль, которую играла литература, широкий общекультурный кругозор в деятельности многих великих деятелей истории, поддерживавших людей искусства. Для Перикла было очевидно, что величие и сила Афин не только в могущественном флоте, но в тех великих образцах архитектуры, шедеврах драматургов, скульпторов, живописцев, творивших в его эпоху. Активно использовали литературу в интересах государства, конечно, в их понимании, император Август, герцог Ришелье, король Людовик XIV, известные политические деятели XX в. Дж. Кеннеди был первым президентом США, который понял роль писателей и людей искусства для престижа страны.

Демосфен был не только патриотом Афин, блестящим политиком, но и корифеем ораторского искусства, как и Цицерон. Гениальный Цезарь к своим талантам полководца и государственного мужа добавил еще литературный, явившись одним из основоположников документальной прозы (в книгах о галльской и гражданской войнах). Наполеон был творцом Гражданского кодекса, написанного столь точным, отточенным языком, что Стендаль, выдающийся стилист, считал его образцом, на который он ориентировался. Ф.Р. Шатобриан, некоторое время министр иностранных дел, был творцом раннего романтического героя в повестях “Рене” и “Атала”. Б. Констан, идеолог французского либерализма, написал знаменитый роман “Адольф”, в котором отразились “век и современный человек”, как о нем отозвался А.С. Пушкин в “Евгении Онегине”. Поэт-романтик А. Ламартин был государственным деятелем, активным участником событий 1848 г. Б. Дизраэли, премьер-министр Англии, начинал как писатель, автор известного романа “Сибилла”. У. Черчилль, выдающийся британский политик XX в., за свою многотомную “Историю второй мировой войны” был удостоен Нобелевской премии по литературе (1948 г.).

Важный сюжет – это писатели, занимавшиеся историей, писавшие научно-художественные труды. Это Дж. Милтон, не только творец гениального “Потерянного рая”, но и одной из первых работ о России “История Московии”. Эпохе Петра Великого посвящены книги Д. Дефо и Вольтера. Россией интересовались Д. Дидро и П. Мериме, события нашей истории получили отклик в творчестве Ф. Лопе де Вега и Ф. Шиллера (эпоха Смуты), в поэзии Дж. Байрона и А. Мицкевича. Ф. Шиллер написал специальные исследования, посвященные Тридцатилетней войне и революции в Нидерландах, среди бесчисленных исследований о Жанне д’Арк заметное место занимает ее двухтомная биография, созданная А. Франсом, ее художественную интерпретацию мы находим у Вольтера и Ф. Шиллера, М. Твена и Б. Шоу. Цикл исторических исследований, посвященных Т. Пейну, Т. Джефферсону, демократической традиции в США, почти не оцененных специалистами, составляют важную часть наследия выдающегося американского писателя Д. Дос Пассоса, известного, прежде всего как создателя новаторского по форме экспериментального романа. Ему принадлежит тезис о том, что литератор, непосредственно отражающий жизнь, работающий с современным материалом, является архитектором истории: “История всегда живее и увлекательнее, чем литература... художественное произведение – плод фантазии одного конкретного человека, в то время как история – плод всего человечества”.

Конечно, Д. Дос Пассос имел в виду, прежде всего, так называемую “faction” – “фэкшн”, т.е. литературу факта, документальную в своей основе, к которой был привлечен в отличие от “fiction” – “фикшн”, т.е. литературы художественной. Хотя, конечно, “разграничительную” линию между ними вряд ли возможно провести.

В. Ирвинг был не только творцом американской романтической новеллы, но и создателем фундаментального жизнеописания Дж. Вашингтона. Выдающийся американский поэт К. Сэндберг, продолжатель традиций У. Уитмена, был автором 6-томного труда, посвященного А. Линкольну. Он по праву считается одним из наиболее значительных вкладов в американскую линкольниану. Ценнейшим источником для историков Вели-

кой Отечественной войны являются свидетельства иностранных писателей и журналистов, находившихся в нашей стране в 1941–1945 гг. Они собраны автором этого письма в антологии “Дорога на Смоленск” (1984 г.).

Н.М. Карамзин был не только выдающимся историком, но и одним из основателей русского сентиментализма. Поколения ученых исследуют труды А.С. Пушкина – историка. Историко-документальный материал самым широким образом представлен в многогранном, многожанровом наследии нашего великого современника А.И. Солженицына, избранного академиком по Отделению истории РАН. Его цикл романов “Красное колесо” заслуживает специального всестороннего анализа как с литературной, так и с исторической точки зрения. Безусловно, это отражение в литературе реальных исторических событий, реальных лиц – тема, более чем обширная. Она представлена в разных жанрах – от исторических романов, повестей, поэм, драм до беллетризованных биографий. Соотношение в них точного, абсолютно достоверного с необходимым вымыслом, фантазией (когда, например, в уста исторических героев вкладывается живая прямая речь), – это требует специального внимания и историка, и литературоведа. Писатель, наделенный интуицией и психологическим чутьем, может, обращаясь к истории, уловить то, что не способны передать документы и архивные разыскания. Это относится к таким событиям, ставшим историей, как Вторая мировая война, когда о ней пишут писатели, ее непосредственные участники. О бесценном значении непосредственного военного опыта для писателя любил говорить Э. Хемингуэй, побывавший на пяти войнах. За это, в частности, он ценил творчество Л.Н. Толстого и Стендаля.

Аксиоматично, что литература – союзник историка в интерпретации событий. Быт и культуру древнего Карфагена поможет понять и ощутить роман Г. Флобера “Саламбо”, время Петра Великого – роман А.Н. Толстого “Петр Первый” и “Полтава” А.С. Пушкина, Отечественную войну 1812 года – гениальная “Война и мир” Л.Н. Толстого, франко-прусскую войну и катастрофу под Седаном – “Разгром” Э. Золя; Первую мировую войну – “Прощай, оружие!” Э. Хемингуэя, книги Р. Олдингтона, Э.-М. Ремарка, А. Барбюса, А. Цвейга; разные грани гражданской войны – “Тихий Дон” М.А. Шолохова и “Хождение по мукам” А.Н. Толстого, психологию людей в годы НЭПа – дилогия И. Ильфа и Е. Петрова. Самое глубокое художественное свидетельство о гражданской войне в Испании – роман Э. Хемингуэя “По ком звонит колокол”. Среди произведений о Великой Отечественной войне – один из самых правдивых и смелых – “Жизнь и судьба” В.С. Гроссмана. О сталинизме мы можем судить по многим произведениям, в частности, по художественно-историческому исследованию А.И. Солженицына “Архипелаг Гулаг”; оно включено в школьную программу.

Словесное искусство – многозначно и многоаспектно. Неизменно актуально его познавательное значение. К. Марксу, которого стало немодно цитировать, принадлежат справедливые слова о том, что из произведений “блестящей школы” английских романистов (Ч. Диккенса, У. Теккерея, Ш. Бронте, Э. Гаскелл) он узнал больше истин, чем из специальных сочинений историков, экономистов, политологов, вместе взятых. Несколько раз ссылаясь он на тексты О. Бальзака, иллюстрируя отдельные положения и тезисы “Капитала”.

Все это говорит о том, что разумно отобранные литературные произведения должны быть включены в круг исторических источников. Но, к сожалению, в ряде вузов курс литературы, читаемый для историков, сокращается. Мы убеждены, что знания литературы, главных моментов историко-литературного процесса, должны стать таким же неотъемлемым компонентом подготовки историка, как философия, политология, экономика. Речь должна идти не о спонтанных примерах, ссылках и так далее, а о системе понятий и сюжетов, включаемых в конкретный исторический курс. Надо ввести курс истории литературы, желательно, если не обязательный, то факультативный, если не у бакалавров, то у магистров. Следует разработать специальную программу, отдельно по русской и зарубежной литературе, причем не как механически сокращенный вариант

тех программ, что используются филологами, а построенный таким образом, чтобы материал, его отбор, были ориентированы на подготовку историков.

Полезно было бы выпустить специальное учебно-методическое пособие. Наконец, уместно было бы включить литературный материал в курс культурологии, читаемый историкам. Сошлюсь в этом плане на программы филологических специальностей, когда у студентов младших курсов совмещаются в программах литературный и культурологический материал. Так вместо курса “Античная литература” читается “Литература и культура Древнего мира”; мною было написано учебное пособие по этому курсу (М., “Академия”, 2009). Подготовлены аналогичные пособия до конца XIX в.

Мы убеждены, что, несмотря на существующие трудности, важная проблема, поставленная в нашем письме, может быть решена благодаря настойчивым усилиям специалистов, людей, равнодушных и искренне заинтересованных в улучшении качества гуманитарного образования.

Б.А. Гиленсон,
доктор филологических наук,
профессор Московского городского педагогического университета,
Заслуженный деятель науки РФ